

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-1-27-46

Т.А. Круглова

**ИМПЕРАТОРСКИЕ ГРАМОТЫ НА ДОН (1735–1739 гг.):
К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ВОЙСКА ДОНСКОГО**

Т.А. Kruglova

**IMPERIAL LETTERS TO THE DON (1735–1739):
ON THE STATUS OF THE DON COSSACK HOST**

Аннотация. В современной историографии общим местом является утверждение, что Войско Донское после его перевода в 1721 г. из ведения Посольского приказа под начало Военной коллегии полностью утратило свою независимость. В последние годы, однако, такая оценка влияния именного указа от 3 марта 1721 г. на положение донских казаков пересматривается. Статус Войска Донского в послепетровский период может быть уточнен благодаря изучению личных посланий российских самодержцев на Дон. Цель данного исследования — показать отношение императрицы Анны Иоанновны к Войску Донскому на основе грамот, отправленных в период русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Грамоты как форма переписки верховной власти с донским казачьим сообществом изучаются в русле историко-типологического подхода к анализу исторических источников с применением формулярного анализа. В статье рассмотрены следующие вопросы: место грамот в системе законодательных и делопроизводственных материалов Русского государства и Российской империи; требования к грамотам, установленные Петром I в ходе реформы государственного управления; порядок создания грамот в личной канцелярии императрицы (Кабинете министров) и Сенате; особенности грамот, посылаемых на Дон. Исследование императорских грамот 1735–1739 гг. позволяет сделать вывод, что в этот период Войско Донское пребывало в состоянии «особого подданства»: с одной стороны, оно, как и в годы правления Петра Великого, напрямую было подчинено самодержице, обладая в то же время

Круглова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
Kruglova Tatiana Aleksandrovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
kruglova008@list.ru
ORCID: 0000-0002-3532-4924

определенной степенью самостоятельности, с другой — Войско Донское получало от Анны Иоанновны грамоты, имевшие черты дипломатических посланий. Грамоты 1735–1739 гг. позволили выявить принцип взаимной выгоды как основу отношений между российской верховной властью и Войском Донским. Этот принцип провозглашался не только в императорских грамотах Анны Иоанновны, но и ранее, в царских грамотах XVI–XVII вв. Радикальные преобразования во взаимоотношениях российских властей и Войска Донского стали осуществляться в 1770-х гг.

Ключевые слова: реформы Петра I, именной указ от 3 марта 1721 г., коллежское делопроизводство, императорские грамоты как источник, русско-турецкая война 1735–1739 гг., императрица Анна Иоанновна, Войско Донское.

Abstract. It is a commonplace statement of modern historiography that after the transfer of the Don Cossack Host from the jurisdiction of the Ambassadorial Prikaz to the Military Collegium in 1721 it completely lost its autonomy. In recent years, however, such an assessment of the influence of the Emperor's Edict of 3 March 1721 on the position of the Don Cossacks is reconsidered. Their status in the post-Petrine period can be clarified through the study of personal letters of the Russian autocrats to the Don. The research aims to show Empress Anna Ioannovna's attitude to the Don Cossacks on the basis of the letters she sent during the Russian-Turkish war (1735–1739). The letters as a form of correspondence between the supreme power and the Don Cossacks' community are examined in the context of the historical-typological approach to the study of historical sources, which involves the formulaic analysis. The article deals with the following topics: the place of letters in the system of legislative and clerical materials of the Russian state and the Russian Empire, the requirements to the letters, established by Peter I in the course of his reforms of state administration, the procedure of creation of letters in the personal office of the Empress (Cabinet of Ministers) and the Senate, and peculiarities of letters, sent to the Don. The research of the imperial letters of 1735–1739 leads to the conclusion that during this period the Don Cossack Host was in a state of "special subjection": on the one hand, like during the rule of Peter the Great, it was directly subordinated to the autocrat, while enjoying at the same time a certain degree of independence, on the other hand, it received letters of diplomatic character from Anna Ioannovna. The letters of 1735–1739 reveal the principle of mutual benefit as the basis of relations between the Russian supreme power and the Don Cossack Host. This principle was declared inviolable not only in Anna Ioannovna's correspondence, but also earlier, in the Tsar's letters in the sixteenth and seventeenth centuries. Radical changes in relations between Russian authorities and the Don Cossack Host started in the 1770s.

Keywords: reforms of Peter I, Imperial Edict of 3 March 1721, collegiate record keeping, imperial letters as a historical source, Russian-Turkish war of 1735–1739, Empress Anna Ioannovna, Don Cossack Host.

Воплощение в жизнь замыслов Петра Великого по реформированию государства и общества сопровождалось интенсивным законотворчеством. Одним из многочисленных законов о перестройке военной сферы стал именной указ от 3 марта 1721 г., который предписывал «донским, и яицким, и гребенским казакам во всех управлениях быть в ведении в Военной коллегии»¹.

Военная коллегия, созданная также в ходе реформы, предназначалась для централизованного управления сухопутными войсками Российского государства². Что касается донского казачества, переданного в компетенцию этой коллегии именованным указом от 3 марта 1721 г., то на протяжении XVII — начала XVIII в. оно находилось в ведении Посольского приказа. Взаимодействие верховной власти и Войска Донского через Посольский приказ олицетворяет, по мнению исследователей, почти полную самостоятельность казачьего сообщества: «Слабая зависимость донских казаков от Москвы подчеркивалась тем, что в XVII в. ими ведало внешнеполитическое ведомство (Посольский приказ) ..., но не органы внутреннего управления»³. По этой логике, передача казачьих дел в учреждение, занимавшееся российскими внутренними вопросами, должна приобрести соответствующую коннотацию, и, действительно, смысл царского распоряжения трактуется в исторической и историко-правовой литературе как разрушительный удар по «вольностям» и суверенитету Войска Донского и, следовательно, как судьбоносный поворот во взаимоотношениях российских властей и казаков⁴. Вот пример подобных рассуждений:

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. Т. 6. № 3750 (далее — ПСЗ).

² *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 116–122.

³ *Каптелер А.* Казачество. История и легенды. Ростов-на-Дону, 2014. С. 34. О том же см.: *Дулимов Е.И.* Государство и казачество: проблемы взаимодействия. Ростов-на-Дону, 2003. С. 82.

⁴ *Пронштейн А.П.* Земля Донская в XVIII в. Ростов-на-Дону, 1961. С. 226, 227; *Тикиджьян Р.Г., Скорик А.П., Кочегаров А.В., Трут В.П.* Донское казачество и Российское государство: исторический опыт взаимоотношений // *Казачий Дон: Очерки истории*: в 2 ч. Ч. I. Ростов-на-Дону, 1995. С. 87; *Маркедонов С.М.* Государевы слуги или бунтари-разрушители? (К вопросу о политических отношениях донского казачества и Российского государства) // *Южнороссийское обозрение*. Вып. 9: Консерватизм и традиционализм на юге России. Сб. научных статей / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов-на-Дону, 2002. С. 144; *Дулимов Е.И.* Государство и казачество: проблемы взаимодействия. Ростов-на-Дону, 2003. С. 82; *Фалалеев А.В.* Государственно-правовое положение Земли войска Донского: конец XV — первая четверть XVIII вв. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Волгоград, 2006. С. 11, 20; *Мининков Н.А.* Сыскные начальства на Дону XVIII в. и начало формирования донского войскового административного деления // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время*. Вып. 5. Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной науч. конф. / Ред. колл.: В.Л. Янин (председатель), Н.С. Борисов, Л.Н. Вдовина и др. М., 2017. С. 151; и др.

«В 1721 г. Войску Донскому было повелено быть в непосредственном ведении Военной коллегии, а не Посольского приказа, то есть оно окончательно было подчинено государству. Этот факт принципиально важен»⁵. В еще большей степени последствия указа драматизируются в таком утверждении: «...завершалась полная ликвидация суверенных прав и государственной автономии Войска Донского, что давало царскому правительству возможность неограниченного вмешательства во все сферы жизни донского казачества»⁶.

Наступление на суверенитет Войска Донского историки усматривают также в отказе верховной власти от прямых письменных контактов с казаками. По мнению исследователей, в петровское время давно сложившиеся формы письменного общения обеих сторон были заменены новыми, разработанными для российских государственных институтов. Еще в 1917 г. историк Е.П. Савельев утверждал: «Сношения Дона с русским правительством стали проходить чрез коменданта Транжаменты (укрепления, возведенного на земле Войска Донского по распоряжению Петра I после Прутского мирного договора с Турцией 1711 г. и функционировавшего до 1730 г. — Т.К.). Вместо прежних царских грамот и отписов в Посольский приказ или прямо царю стали получаться отношения⁷, промемории, ордера, реляции и др., в которых так или иначе фигурировали эти коменданты, часто заходившие далеко за пределы предоставленных им царем полномочий»⁸. Тезис о снижении уровня официальной переписки с Войском Донским и включении в нее посредников разделяют и нынешние исследователи⁹. Они, как и Е.П. Савельев, черпают аргументы из номенклатуры коллежской документации и повторяют не верифицированные впоследствии высказывания историка о месте документов в служебной коммуникации.

Вместе с тем современное источниковедение позволяет проверить эти высказывания и, вообще, более глубоко изучить разновидности деловой письменности, которые обеспечивали в XVIII в.

⁵ Дулимов Е.И. Указ. соч. С. 82. Заметим, что Посольский приказ уже не существовал в 1721 г. Вместо него была создана Коллегия иностранных дел, но казаки войска изначально не входили в ее компетенцию.

⁶ Тикиджьян Р.Г., Скорик А.П., Кочегаров А.В., Трут В.П. Указ соч. С. 87.

⁷ В цитируемом печатном тексте отсутствует запятая после слова *отношения*, хотя оно, по-видимому, обозначало для автора документную разновидность и входило в список перечисленных далее документов.

⁸ Савельев Е.П. Древняя история казачества. М., 2017. С. 401.

⁹ Пронштейн А.П. Указ. соч. С. 223; Тикиджьян Р.Г., Скорик А.П., Кочегаров А.В., Трут В.П. Указ. соч. С. 87.

контакты между Войском Донским, верховной властью и имперскими органами управления, в частности Военной коллегией.

Актуальность изучения названных исторических источников обусловлена их значимостью не только для источниковедческих изысканий, но и для понимания того, как российские власти трактовали статус Войска Донского после проведения в жизнь именно того указа от 3 марта 1721 г. Для исследования последнего вопроса концептуальной установкой может служить положение о том, что в коллежской делопроизводственной системе, созданной Петром I, каждый документ, занимая в документообороте место, отданное по законодательству только ему, четко отражал отношения или господства, или подчиненности, или равенства субъектов коммуникации. Отклонения в регламентированном обмене документами указывали на особый статус одной из взаимодействующих сторон.

Были ли после именного указа от 3 марта 1721 г. в письменных контактах Войска Донского с самодержцами и российскими органами управления отклонения, в чем они могли проявляться и почему? Для поиска ответов на поставленные вопросы были проанализированы грамоты императрицы Анны Иоанновны, отправленные на Дон из Кабинета министров, т.е. ее личной канцелярии¹⁰, в период русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Этот временной срез избран прежде всего потому, что в течение десятилетия после кончины императора-реформатора система органов государственного управления и их делопроизводство стабилизировались, и использование тех или иных документных разновидностей не было случайным и переменчивым. Кроме того, командование намеревалось привлечь к участию в кампаниях будущей войны почти весь списочный состав Войска Донского, что, естественно, повышало внимание Петербурга к казачьему сообществу и увеличивало частоту личных обращений императрицы к донским казакам.

Императорские грамоты Анны Иоанновны, отправленные на Дон во второй половине 1730-х гг., изучаются в рамках историко-типологических исследований в источниковедении¹¹. Из аспектов, разрабатываемых этим направлением, предполагается раскрыть прежде всего те, которые связаны с эволюцией грамот: с одной стороны, изучить их на фоне коллежского государственного делопроизводства XVIII в., с другой — на фоне дореформенной приказной документации.

¹⁰ См.: Фаизов А.В. Аппарат Кабинета министров (1731–1741) // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1(25). С. 37–51.

¹¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. Изд. 2-е, доп. М., 2003. С. 120.

В статье использованы материалы Российского государственного архива древних актов (РГАДА)¹².

До административной реформы, проведенной Петром I в первой четверти XVIII в., в управленческой сфере использовались грамоты, написанные как личные обращения царя к адресату (светскому или духовному лицу, монастырской корпорации, главе иностранного государства и т.д.), а также грамоты, исходявшие от царского имени из центральных государственных учреждений того времени — приказов. Корпус приказной делопроизводственной документации свидетельствует, что термин *грамота* использовался как самостоятельно, так и с определениями, которые могли указывать на обстоятельства возникновения конкретного документа, на его содержание, место создания и т.д. В современном словаре древнерусского языка термин зафиксирован в разнообразных атрибутивных сочетаниях, насчитывающих полторы сотни¹³.

В исторической литературе подчеркивается, что из Посольского приказа донские казаки получали исключительно царские грамоты и что к ним адресаты относились по-особому. В XVII — начале XVIII в. «казаки (имеются в виду донские казаки. — Т.К.) подчинялись только грамотам из Посольского приказа, а повелениям из других приказов — если к ним опять-таки прилагалась “послушная грамота” из Посольского»¹⁴. Из цитаты неясно, какие грамоты получали казаки: личные послания царя, начинавшиеся с оборота «Се яз, царь и великий князь...», или грамоты из Посольского приказа с другой начальной формулировкой: «От царя и великого князя...». Можно предположить, что казаки получали и те, и другие, но последние преобладали. К примеру, одна из первых грамот царя Михаила Романова, отправленная Войску Донскому в сентябре 1615 г., начиналась оборотом «От царя и великого князя Михаила Феодоровича...»¹⁵, являясь по форме делопроизводственным документом.

¹² РГАДА. Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Архивные материалы были собраны Александром Юссоном для диссертации по теме “Le service militaire des Cosaques du Don au XVIIIe siècle”, защищенной в 2020 г. в Университете Париж 1 Пантеон-Сорбонна. За возможность воспользоваться этими материалами приношу А. Юссону огромную благодарность.

¹³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. (Г–Д). М., 1977. С. 119–120. См. также: *Никитина О.В.* Слово «грамота» и его история в русском языке // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2013. № 1 (77). Ч. 1. С. 153.

¹⁴ *Усенко О.Г.* К уточнению биографии К.А. Булавина // Россия в XVIII столетии / Отв. ред. Е.Е. Рычаловский. Вып. 1. М., 2002. С. 100.

¹⁵ Новейшее исследование этой грамоты проведено Н.А. Мининковым. См.: *Мининков Н.А.* Грамота Войску Донскому 1615 года // Донской временник. Год 2015-й. Вып. 23. Ростов-на-Дону, 2014. С. 91–94. — URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m5/2/art.aspx?art_id=1369 (дата обращения 24.08.2022).

Ситуация изменилась в годы правления Петра I. В соответствии с законодательной регламентацией делопроизводства новых высших и центральных органов управления, сфера использования грамот сузилась. Теперь грамотой именуется личное послание императора. Исключая из коллежского делопроизводства название этой документной формы, реформатор преследовал, по крайней мере, две задачи: во-первых, выстроить стройную иерархию документов; во-вторых, повысить значение и авторитет посланий представителя верховной власти.

В законодательстве Петра I, отразившем разработку новых форм документации, фигурировали грамоты, предназначенные для его общения с правителями иностранных государств, и грамоты, предназначенные для российских адресатов¹⁶. Сходство грамот обоого рода состояло в обращении самодержца к адресатам от первого лица и обязательном закреплении документа государственной печатью. Различались же они объемом императорского титула: в дипломатической грамоте он приводился полностью, а в грамоте для внутреннего пользования сокращенно¹⁷. Другое различие касалось печатей. Согласно главе 13-й «О печати» из Генерального регламента 1720 г., «государственным печатям, за которыми посылаются грамоты в иностранные государства, також и к гетману, быть по-прежнему в Коллегии иностранных дел. А которою печатью печатают грамоты и указы, и прочее внутри государства, той быть при Сенате у особого человека...»¹⁸.

В 1735–1739 гг. грамоты на Дон отсылались из Военной коллегии и Кабинета министров при императрице Анне Иоанновне.

Механизм составления грамот Военной коллегии Войску Донскому, специфику их содержания и внешние особенности еще предстоит изучить¹⁹. Сейчас лишь отметим, что в 1721 г. перевод донских,

¹⁶ Лукашевич А.А. Виды документов в Российском государстве первой четверти XVIII в. (на материале Генерального регламента) // Советские архивы. 1991. № 4. С. 43. Грамоты для российских адресатов являлись, как правило, законодательными актами. Именно о них пишет О.В. Никитина: в XVIII в. у грамоты «появляется более конкретное юридическое значение, связанное с “актом, данным от государя или правительства на чин, на княжеское, графское и баронское достоинства, на звание потомственного почетного гражданина” — в качестве “знака отличия”, поручение о присвоении которого исходит от центральной или местной власти» (Никитина О.В. Указ. соч. С. 153–154).

¹⁷ ПСЗ. Т. 6. № 3850 (именной указ «О императорском титуле в грамотах, указах, прошениях и приговорах» от 11 ноября 1721 г.).

¹⁸ Там же. № 3534.

¹⁹ Предварительный анализ этих грамот см.: Круглова Т.А. Грамоты Военной коллегии Войску Донскому (1735–1739 гг.): некоторые источниковедческие характеристики // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной науч. конф. /

яицких и гребенских казаков в компетенцию нового специализированного учреждения не сопровождался уточнением форм письменных сношений последнего с казачьими сообществами, поэтому естественно предположить, что на Дон коллегия посылала, в силу устанавливаемых Петром I общих норм деловой коммуникации, указы²⁰. Но реальность демонстрирует иное: Войску Донскому направлялись не указы, а грамоты. Это прекрасно иллюстрирует, в частности, именной указ от 7 января 1723 г. «О предосторожности в случае нападения татар на границы российские». Он предписывал «к генералам Алларту и князю Трубецкому, також в Киевскую, Воронежскую, Казанскую и Астраханскую губернии послать из Военной коллегии указы, а на Дон к войсковому атаману — грамоту...»²¹. Как видим, войсковой атаман Войска Донского — единственный адресат, для которого распоряжение, подготовленное в Военной коллегии, будет отправлено в форме личного послания императора, всем другим аналогичное повеление поступит оттуда же, но в форме коллежского указа.

Позже, во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг., происходило то же самое: по одному и тому же вопросу командующим российскими армиями генерал-фельдмаршалам фон Миниху и фон Лесси из Военной коллегии направлялись указы, а Войску Донскому — грамоты²². То есть предусмотренный Петром I указ как индикатор подчиненности адресата адресанту по-прежнему не имел силы для Войска Донского. А вот грамоты, рассылаемые из той же Военной коллегии казачьим сообществам²³, ставили их, можно сказать, в «привилегированное» положение по сравнению с получателями коллежских указов, и это особое положение казаков заключалось, с одной стороны, в их прямой подчиненности императору, а с другой стороны, как ни покажется странным, в императорском покровительстве, ограждавшем их внутривойсковую жизнь от вмешательства российских органов управления, допускавшем, однако, вмешательство самодержца.

Ред. колл.: Б.Н. Флоря (председатель), В.А. Аракчеев, Н.С. Борисов и др. М., 2019. С. 407–411.

²⁰ В системе учреждений, созданной в результате петровской административной реформы, документы перемещались следующим образом: «1. “Указ” от вышестоящих учреждений или царя; 2. “Промемория” от равнозначного данной коллегии учреждения; 3. “Доношение” от нижестоящего органа ...» (Анисимов Е.В. Указ соч. С. 174).

²¹ ПСЗ. Т. 7. № 4137.

²² См., например: РГАДА. Ф. 248. Д. 467. Л. 326.

²³ Грамоты из Военной коллегии получали, например, яицкие казаки, ведение дел которых, как и донских, в 1721 г. было передано этому учреждению (см.: Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лихиным. Т. 2. Ч. 1. Новочеркасск, 1894. С. 235. № 254 (грамота от 13 декабря 1739 г.).

Кабинет министров при императрице Анне Иоанновне — второй орган управления, откуда на Дон направлялись грамоты. Процедура создания этих личных посланий императрицы в еще большей степени, чем грамоты Военной коллегии, указывают на необычное положение Войска Донского. Так, если в личной канцелярии Анны Иоанновны, каковым был Кабинет министров, принималось решение, о котором следовало известить Войско Донское от имени самодержицы, то в канцелярии разрабатывался основной текст грамоты. Затем он в виде формы, или формуляра²⁴, поступал в Сенат, где рождался оригинал, в котором копировался основной текст, а начальный и конечный протоколы заполнялись стандартными для грамот статьями, соответствующими интитуляции²⁵, инскрипции и датуму. Но главное, что требовалось от Сената, — придать оригиналу юридическую силу. Для этого было необходимо «господам сенаторам» подписать документ, а сенатским обер-секретарю и секретарю заверить его своими подписями. Далее на оригинале ставилась печать. Примечательно, что документ крепился не печатью Сената, где завершался процесс его создания, а средней государственной печатью Коллегии иностранных дел. Наконец оригинал отсылался из Сената в Кабинет министров или, по распоряжению министров, сразу же на Дон²⁶.

Стадии преобразования в оригинал формы, присланной из Кабинета министров, фиксировались в журналах Сената. Так, процесс подготовки оригинала грамоты от 23 июня 1737 г. раскрыт в весьма подробном описании: «Против выше писанной грамоты (т.е. формы грамоты. — Т.К.) точная (оригинал грамоты. — Т.К.) за подписанием Правительствующего Сената и за закрепями обер-секретаря Дмитрия Невежина, секретаря Якова Бахирева июня 23 дня сего 1737 года запечатана в Иностранной коллегии государственною среднею печатью [и на оной (на оригинале грамоты. — Т.К.) по запечатании внизу печати подписано тако: “На Дон, в нижние и в верхние юрты нашим атаманом и казакам, и всему нашему Войску Донскому”, кото-

²⁴ В делопроизводстве 1730-х гг. термин *форма* имел синоним *формуляр*, разъясненный в Генеральном регламенте как *образец*. См.: ПСЗ. Т. 6. № 3534. Гл. 34.

²⁵ Об объеме императорского титула в оригиналах императорских грамот сказать что-либо определенное, к сожалению, невозможно, поскольку в архивных фондах сохранились или рабочие формуляры грамот, или отпуски грамот с кратким титулом «Божиею милостию, Мы, Анна, императрица и самодержица всероссийская и протчая, и протчия» (титул из копии императорской грамоты от 23 июня 1737 г.: РГАДА. Ф. 248. Д. 467. Л. 532). Такое же объяснение допустимо к краткому титулу грамот на Дон из Военной коллегии.

²⁶ РГАДА. Ф. 248. Д. 467. Л. 324.

рая подписка писана на дву строках]. По запечатании из Сената отослана в Кабинет Ея императорского величества. Подал канцелярии советнику господину Бреверну канцелярист Иван Дубровин июня 23 дня 1737 году»²⁷.

Аналогичный путь из Кабинета министров в Сенат проделал сначала формуляр грамоты от 4 марта 1737 г.²⁸, а затем из Сената в Кабинет министров — ее оригинал²⁹. Такой же процедуре подвергся основной текст грамоты от 13 июля 1737 г.³⁰

Детальные записи о подготовке императорских грамот для Войска Донского, а также в внешнем виде оригиналов свидетельствуют об осознании служащими Сената, с одной стороны, особой значимости документов, а с другой — собственной ответственности на завершающем этапе создания послания, по существу, дипломатического.

Симптоматично и то, что в изучаемый период в Кабинете министров подготовкой грамот на Дон занимались советники, назначенные «для отправления иностранных дел». Подобные дела возлагались на Ивана Юрьевича Юрьева³¹ и Карла фон Бреверна³². Перевод обоих советников из Коллегии иностранных дел в советники личной канцелярии императрицы был оформлен в преддверии войны общим указом от 24 июня 1735 г.³³

И.Ю. Юрьев имел длительный опыт работы с документами: он начинал службу в конце XVII в. в Малороссийском приказе, продолжил ее в Посольском, а затем в Коллегии иностранных дел. В Ка-

²⁷ РГАДА. Ф. 248. Д. 467. Л. 534. Квадратные скобки поставлены в сенатской записи.

²⁸ РГАДА. Ф. 248. Д. 467. Л. 328.

²⁹ Там же. Л. 547.

³⁰ Там же. Л. 542–544 об. (форма грамоты, присланная из Кабинета министров в Сенат); Л. 547 (запись в журнале Сената о закреплении оригинала грамоты печатью Коллегии иностранных дел).

³¹ О нем см.: *Серов Д.О.* Подьячий И.Ю. Юрьев, забытый историк XVIII столетия // *Studia Humanistica* 1996: Исследования по истории и филологии / Редкол.: Ю.Н. Беспятовых (пред.) и др. СПб., 1996. С. 122–136.

³² О нем см.: Бреверн (фон) Карл // *Русский биографический словарь: Бетанкур – Бякстер* / Под наблюд. А.А. Половцова. СПб., 1908. С. 337–339; *Файнштейн М.Ш.* Карл Бреверн // Во главе первенствующего ученого сословия России. Очерки жизни и деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. 1725–1917. СПб., 2000. С. 52–56; *Фаизов А.В.* Указ. соч. С. 37–51.

³³ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 111: Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. Ч. 4 (год 1735) / Под ред. А.Н. Филиппова. Юрьев, 1901. С. 229. О необходимости подготовиться к походу против крымской орды Военная коллегия сообщила Войску Донскому грамотой от 18 июня 1735 г. (см.: *Акты, относящиеся к истории Войска Донского*. Т. 2. Ч. 1. С. 117–118. №116).

бинете министров деятельность по обеспечению письменных контактов с Войском Донским, по-видимому, не была приоритетной для Юрьева. Пока обнаружен единственный случай, когда этот советник оказался причастным к донским делам: он передал в Сенат формуляр грамоты на Дон с утвержденным планом военной кампании на 1737 г.³⁴

За контакты императрицы, министров ее Кабинета и служащих Сената по вопросам, касавшимся Войска Донского, отвечал К. Бревверн. Он отсылал формы императорских грамот в Сенат, а оттуда их оригиналы через него возвращались в Кабинет³⁵, ему же передавались копии войсковых отписок, полученных в Сенате³⁶. Этот советник выступал, однако, не только диспетчером, распределявшим «бумаги», — под его руководством составлялись документы и для Войска Донского, о чем сообщает, например, запись в журнале Кабинета министров от 24 августа 1736 г.: «У татар, кои в подданство пришли, лошадей покупать (о сем канцелярии советнику г. Бревверну писать к старшине Ефремову)»³⁷.

Итак, механизм происхождения в 1735–1739 гг. императорских грамот на Дон показывает, что самодержица общалась с Войском Донским на дипломатическом уровне, посылая ему личные обращения, подготовленные в Кабинете министров при участии советников «для отправления иностранных дел» и заверенные печатью Коллегии иностранных дел. Но такое положение вещей противоречило подданническому статусу Войска Донского, который оно получило в 1671 г.

Почему же императорские грамоты на Дон рождались не во внутренней экспедиции Кабинета министров, где оформлялась документация по внутрироссийским вопросам, а в его иностранной экспедиции? Ответ отчасти заключен в круге предметов, которыми

³⁴ РГАДА. Ф. 248. Ед. хр. 467. Л. 324, 325 (запись в журнале Сената от 4 марта 1737 г.).

³⁵ Там же. Л. 529 (запись в журнале Сената от 20 июня 1737 г.); Л. 547 (запись в журнале Сената от 14 июля 1737 г.)

³⁶ Там же. Л. 536 об. (запись в журнале Сената от 7 июля 1737 г.).

³⁷ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 114: Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны: Ч. 5 (год 1736) / Под ред. А.Н. Филиппова. Юрьев, 1902. С. 402. № 131. Данила Ефремович Ефремов, сменив в 1738 г. наказного войскового атамана Ивана Фролова, стал называться «настоящим» войсковым атаманом Войска Донского. О нем см.: *Аваков П.А.* Элита Войска Донского в 1738 году: борьба за войсковую насаку // *Донской временник*. Год 2013-й. Вып. 21. Ростов-на-Дону, 2012. С. 118–124; *Юссон А.* Старое и новое в организации военной службы донских казаков во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время*. Вып. 3. Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной науч. конф. / Ред. кол.: В.Л. Янин, Д.Ю. Арапов, Н.С. Борисов и др. М., 2013. С. 321–326; и др.

К. Бреверн занимался в годы войны: в его компетенцию, помимо донских, входили башкирские и малороссийские дела³⁸. Их сосредоточение в ведении советника «для отправления иностранных дел» не кажется случайным, поскольку они касались окраинных территорий Российской империи, которые новейшая историческая литература включает в понятие *фронтир* и население которых имело особое подданство³⁹.

В текстах императорских грамот проанализируем некоторые детали, которые подтверждают отношение российской власти к казакам Войска Донского как носителям этого особого подданства во второй половине 1730-х гг. и даже несколько десятилетий спустя.

Так, в контексте изучения статуса Войска Донского важно рассмотреть вопрос о соотношении его подданных и вассальных договоренностей с русскими царями. Донские казаки, как принято считать в историографии, стали вассалами русских царей в начале правления династии Романовых⁴⁰. Приняв тогда на добровольную службу донских казаков, цари решали с их помощью первостепенную задачу защиты южных рубежей государства. Задача оставалась насущной и в момент перехода Войска Донского в подданство. В связи с этим логично предположить, что часть вассальных обязательств Войска Донского была сохранена и позднее. Преимущество подтверждается статьей в царских грамотах, которая указывала на принцип взаимной выгоды контрагентов. Обобщенная формулировка данного принципа кочевала из одной царской грамоты в другую начиная с 1570 г. Этим годом датируется первая дошедшая до нас

³⁸ Сборник Русского Исторического общества. Т. 114. С. 313 (запись от 12 июля 1736 г.).

³⁹ *Каппелер А.* Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII веках // *Ab imperio*. 2003. № 1. С. 47–64; *Лазарев Я.А.* «Ласковый телок двух маток сосет»: к вопросу о природе украинской государственности во второй половине XVII — первой трети XVIII в. (в порядке дискуссии с Т.В. Чухлибом) // *Исторический вестник*. 2013. № 4 (151). С. 208–219; *Канищев В.В., Баранова Е.В.* Пространственное представление движения южнорусского фронта в середине XVII — середине XIX вв. // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время*. Вып. 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной науч. конф. / Ред. колл.: В.Л. Янин (председатель), Д.Ю. Арапов, Н.С. Борисов и др. М., 2015. С. 178–186; *Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Патков А.И.* Теория фронта и юг России в XVI — первой половине XVIII в. // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2015. Т. 20. Вып. 10. С. 7–15; *Емельянов Е.П.* Творческий путь Н.В. Устюгова в контексте развития советской исторической науки М.; СПб., 2017. С. 125–140; *Трепавлов В.В.* «Белый царь». Образ монарха и представление о подданстве у народов России XV–XVIII в. Изд. 2-е. СПб., 2017. С. 225–227; и др.

⁴⁰ *Мининков Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону, 1998. С. 293, 320.

грамота царя Ивана IV казакам на Донец Северский⁴¹. В ней на примере конкретной ситуации разъяснялись условия службы казаков: «Послали есмя для своего дела в Азов Ивана Петровича Новосельцева (во главе посольства в Османскую империю. — Т.К.) ..., и вы бы Ивана во всех наших делах слушали безо всякого ослушания, *тем бы есте нам послужили, а мы вас за вашу службу жаловати хотим*» (здесь и далее курсив наш. — Т.К.)⁴². С Войском-вассалом действовало такое же соглашение: «... а мы, великий государь, учнем вас и *вперед жаловать нашим царским жалованьем, смотря по вашей службе, и служба ваша у нас, великого государя, забвенна не будет*»⁴³. Аналогичное обещание дано Войску Донскому, уже перешедшему в подданство, в грамоте царя Федора Ивановича 1676 г.: «... а *наше, великого государя, жалованье и милость и ко всему Войску Донскому будет против прежнего, как было при отце нашем великом государе, и служба ваша, и раденье у нас, великого государя, у нашего царского величества, никогда забвенна не будет*»⁴⁴.

Приведенные выдержки высвечивают квинтэссенцию отношений верховной власти и Войска Донского на протяжении всего XVII столетия: одна сторона должна была оказывать услуги, т.е. «послуги», «службы», а другая — вознаграждать за их выполнение⁴⁵.

Подобная логика взаимной выгоды отражена и в императорских грамотах второй половины 1730-х гг. Военная обстановка вызвала к жизни дополнительные договорные положения, записанные во многих императорских грамотах этого времени, в частности в грамоте от 4 марта 1737 г. В ней императрица обещала рассматривать участие Войска Донского в грядущей военной кампании 1737 г. как «особливую» службу, т.е. верховная власть противопоставила службу в годы текущей войны и те «послуги», которые донские казаки несли издавна и за которые получали «обыкновенное жалование» деньгами, продовольствием, порохом, свинцом и т.д. Теперь же сверх обычного годового жалования каждый казак должен получить за «особливую» службу вознаграждение: «А ныне повелели мы тем из вашего Донского войска казакам, которые будут в настоящей кампании, дать на

⁴¹ Маркедонов С.М. «Первая» царская грамота донским казакам // Донской временник. Ростов-на-Дону, 2000. — URL: http://www.donvrem.dspl.ru//Files/article/m5/2/art.aspx?art_id=118 (дата обращения 24.08.2022).

⁴² Цит. по: Там же.

⁴³ Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археологическою комиссиею. Т. 26: Донские дела. Кн. 3. СПб., 1909. Стл. 102 (грамота от 9 августа 1646 г.). См. также: стл. 183 (грамота от 17 августа 1646 г.); стл. 306 (грамота от 3 апреля 1647 г.) и др.

⁴⁴ ПСЗ. Т. 2. № 622.

⁴⁵ Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 225.

подъем ... наше жалование против прошлогодней кампании со излишеством ..., провиант против армейских солдат и прочее всякое надлежащее вспоможение»⁴⁶. Таким образом, в XVIII в. продолжалось исполнение еще царских обещаний о «незабвенности» казачьей службы как повседневной, так и в чрезвычайных военных обстоятельствах.

Примечательно объяснение императрицей Войску Донскому необходимости его участия в военной кампании. Мотивируя казаков, самодержица исходила из того же принципа взаимной выгоды, а для демонстрации этих выгод увещевала Войско с позиций «свой» — «чужой» с очевидным желанием совместить интересы и Российской империи, и донского казачества: «понеже то (участие в военной кампании. — Т.К.) к собственному вашему благополучию и ко утверждению на предбудущие времена безопасности вашей касается, и все то от нас ко все милостивейшей нашей благоугодности за особливую вашу, Войска Донского, к нам за службу воспримется»⁴⁷.

Как видим, неизбежная для императорских грамот риторика не может скрыть признания Анной Иоанновной Войска Донского субъектом, который, несмотря на подданническое состояние, обладал определенной степенью самостоятельности и которого самодержица призывала — но, заметим, не приказывала — согласиться на совместные действия против общего врага.

Еще один признак особого подданства Войска Донского содержится в адресной формуле грамот, где приведены координаты местонахождения их получателя «... на Дон, в нижние и верхние юрты...». Подобная адресация присутствует как в одной из ранних грамот, отосланных на Дон от имени первого царя новой династии, — сентябрьской 1615 г., так и в императорских посланиях XVIII в. Но, если привязка первоначально отражала реалии, позднее она стала как будто неуместной из-за утраченного смысла. Дело в том, что в конце XVI — начале XVII вв. верхние и нижние юрты на Дону представляли собой две большие территориальные общины, и их военно-политическое объединение привело к созданию Войска Донского. Собираение общин воедино историки датируют вторым десятилетием XVII в.⁴⁸, отмечая, что «политика новой царской династии стимулировала объединительный процесс»⁴⁹. Следовательно, желаемая

⁴⁶ РГАДА. Ф. 248. Д. 467. Л. 327.

⁴⁷ Там же. Л. 326 об. – 327.

⁴⁸ Например: Дулимов Е.И. Указ соч. С. 52, 69; Фалалеев А.В. Указ соч. С. 11. Также существует мнение о 1570 г. как условной дате объединения донских общин в единое Войско Донское. См.: Маркетонов С.М. Указ. соч.

⁴⁹ Дулимов Е.И. Указ. соч. С. 69.

правительством консолидация казачьих общин завершилась в основном ко времени вступления Войска Донского в подданство, и теперь в официальных документах можно было бы отказаться от анахронизма. Однако «и позднее в XVII в. грамоты адресовались одновременно “верховым” и “низовым” казакам»⁵⁰. Добавим, что к Войску Донскому как разделенному на две общины обращались и Анна Иоанновна, и Екатерина II⁵¹.

Столь длительное удержание утраченных реалий в адресной формулировке императорских грамот, как, впрочем, и грамот Военной коллегии, не стоит объяснять устаревшими формулярами документов, ибо возможность отказаться от отжившего оборота была у российских властей всегда, по крайней мере, еще в 1721 г.⁵² На наш взгляд, данная адресация являлась элементом дипломатического языка, на котором в XVIII в. самодержцы общались с Войском Донским. Крупица исторической памяти о начальных временах взаимодействия русских царей и донских казаков сохранялась осознанно. Напоминание о прошлом должно было служить для обеих сторон сигналом доверия и стабильности в текущих делах: используя формулу, российские власти демонстрировали намерение сохранить основу тех отношений, которые зародились еще на раннем этапе коммуникации, а Войско Донское воспринимало ее как подтверждение признания своего «вольного» состояния. Кстати, полагаем, что к дипломатическому языку следует отнести и формулу о принципе взаимной выгоды, остававшуюся в царских и императорских грамотах без изменения на протяжении почти двух столетий.

Вопрос о пересмотре особого подданства, а вместе с ним и элементов дипломатического языка в грамотах к Войску Донскому, актуализировался спустя несколько десятилетий после русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Главными предпосылками системного преобразования статуса Войска Донского стали победы в русско-турецких войнах второй половины XVIII в., одержанные совместно регулярными и иррегулярными войсками, среди которых были и донские казаки. Изменившаяся внешнеполитическая обстановка, а также явственно обозначившиеся к этому времени результаты со-

⁵⁰ Там же. С. 48, 69.

⁵¹ См., к примеру, жалованную грамоту Войску Донскому от 24 мая 1793 г. «Об утверждении границ землям, оному Войску принадлежащим, по высочайше утвержденной межевой карте» (ПСЗ. Т. 23. № 17126).

⁵² О том, что адресная формула могла быть изменяемой частью императорских грамотах Войску Донскому, свидетельствует грамота от 24 мая 1793 г., в которой традиционный список адресатов дополнен включением в него «Правительства Войска Донского» (ПСЗ. Т. 23. № 17126).

циально-экономических процессов внутри донского казачьего общества требовали наполнить взаимоотношения российского правительства и Войска Донского новым содержанием.

Пересмотр взаимных обязательств начался в последней четверти XVIII в., и одним из его проявлений стал процесс полноценного включения Войска Донского в управленческую систему Российской империи. Проиллюстрируем этот процесс примером из истории такой разновидности коллежского делопроизводства, как промемория. Известная еще в приказном делопроизводстве под названием *память*, эта документная форма существовала для служебной переписки субъектов, находившихся на одной ступени иерархической лестницы. Напомним, Е.П. Савельев считал, что Войско Донское стало получать промемории уже в петровское время. Однако еще в течение полустолетия после именного указа от 3 марта 1721 г. имперские учреждения и Войско не были равными корреспондентами. Российская верховная власть разрешала отдельным присутственным местам и Войску вступать в двустороннюю переписку промемориями от случая к случаю. Одно из таких редких разрешений дано в годы войны, когда специальным повелением от 30 ноября 1737 г. Воронежской губернской канцелярии и Войску Донскому было позволено «о делах нашего императорского величества иметь сношение промемориями»⁵³. Это исключение в чрезвычайных военных условиях не стало нормой в мирное время. Только в 1775 г. промемории и ряд других документных форм, принятых в российских учреждениях, были введены для Войскового гражданского правительства — первого учреждения, функционировавшего «в пределах Войска Донского» на основе российского законодательства 1720-х гг. Новое учреждение, приравненное в иерархии имперских органов управления к губернским канцеляриям, получило право «...посылать доношения в одни только коллегии, а с губернскими канцеляриями сноситься промемориями, в подчиненные ж места отправлять указы...»⁵⁴. Создание данного гражданского учреждения явилось первым шагом в реформировании управления Войском Донским по проектам Г.А. Потемкина, и именно с этого времени, а не после именного указа от 3 марта 1721 г. началась интеграция Войска Донского в управленческую систему Российской империи с

⁵³ Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 2. Ч. 1. С. 182. № 189. Через три десятилетия последовало распоряжение императрицы Екатерины II о том же. См.: Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 3. Новочеркасск, 1894. С. 42. № 33 (грамота Войску Донскому от 14 февраля 1766 г.).

⁵⁴ ПСЗ. Т. 20. № 14330 (30 мая 1775 г. сенатский указ «О порядке сношения Войска Донского гражданского правительства с присутственными местами и о имени оному печати с государственным гербом»).

ее стандартным коллежским делопроизводством. В области же военного управления изменения будут предприняты позже.

Итак, изучение грамот российской самодержицы Анны Иоанновны, направленных на Дон из Кабинета министров в годы русско-турецкой войны 1735–1739 гг., позволяет сделать вывод о Войске Донском как особом для императрицы адресате. Ему отправлялись личные послания Анны Иоанновны, оформленные как дипломатические грамоты: в соответствии с нормами петровского законодательства, они заверялись печатью Коллегии иностранных дел. Помимо этого, в императорских грамотах использовались элементы дипломатического языка, который формировался еще при предшественниках Петра I. Объективной основой для сохранения Войском Донским на протяжении почти всего XVIII в. статуса особого подданного являлись долгосрочные договоренности, заключенные в период длительной совместной борьбы с Османской империей.

В свете всего сказанного интерпретация содержания именного указа от 3 марта 1721 г. как распоряжения, обозначившего разделительный рубеж во взаимоотношениях Войска Донского с Россией, вызывает сомнение. Хотя в указе речь шла о донских, яицких и гребенских казаках, законодатель не предполагал разрушать Войско Донское и пересматривать уже сложившиеся с ним связи. Указ преследовал другую цель — создать централизованное управление сухопутными вооруженными силами, в состав которых входили регулярные и иррегулярные (казачьи) части, сохраняя специфику внутренней жизни последних. Поэтому справедливыми представляются недавние менее жесткие, чем принятые в историографии, оценки последствий для казачьих сообществ царского распоряжения от 3 марта 1721 г.⁵⁵

References

Anisimov E.V. *Gosudarstvennyye preobrazovaniya i samodержaviye Petra Velikogo v pervoy chetverti XVIII veka* [State Transformations and Autocracy of Peter the Great in the First Quarter of the 18th Century]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1997. 331 p.

Avakov P.A. *Elita Voyska Donskogo v 1738 godu: bor'ba za voyskovuyu naseku* [The Elite of the Don Cossack Host in 1738: The Struggle for the Army Mace] // *Donskoy Vremennik*. 2013. Issue 21. Rostov-na-Donu, 2012. P. 118–124.

⁵⁵ Никитин Н.И. Взаимоотношения с вольным казачеством и вхождение казачьих областей в состав России // *Российская империя от истоков до начала XIX в. Очерки социально-экономической и политической истории* / Ред. колл.: А.И. Аксенов, Я.Е. Водарский, Н.И. Никитин, Н.М. Рогожин. М., 2011. С. 86; Шкваров А. Указ. соч. С. 250, 251, 252.

Dulimov E.I. *Gosudarstvo i kazachestvo: problemy vzaimodeystviya* [The State and the Cossacks: Problems of Interaction]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 2003. 334 p.

Faizov A.V. *Apparat Kabineta ministrov (1731–1741)* [Apparatus of the Cabinet of Ministers (1731–1741)] // *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. 2020. N 1 (25). P. 37–51.

Falaleyev A.V. *Gosudarstvenno-pravovoye polozheniye Zemli Voyska Donskogo: konets XV — pervaya chetvert' XVIII vv.: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk* [State Legal Situation of the Don Cossack Host's Land: From the Late 15th through the First Quarter of the 18th Century: Abstract of the PhD Diss. for Candidate Degree in Law]. Volgograd: Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 2006. 28 p.

Faynshteyn M. Sh. *Karl Brevern // Vo glave pervenstvuyushchego uchenogo sossloviya Rossii. Ocherki zhizni i deyatel'nosti prezidentov Imperatorskoy Sankt-Peterburgskoy Akademii nauk* [At the Head of the First Learned Estate of Russia. Essays on Life and Activity of Presidents of the Imperial Saint-Petersburg Academy of Sciences]. 1725–1917 / Ed. by E.I. Kolchinskiy. Saint Petersburg: Nauka, 2000. P. 52–56.

Husson A. *Staroye i novoye v organizatsii voyennoy sluzhby donskikh kazakov vo vremya russko-turetskoy voyny 1735–1739 gg.* [The Old and New in the Organization of Military Service of the Don Cossacks during the Russian-Turkish War in 1735–1739] // *Rus', Rossiya: Srednevekov'ye i Novoye vremya* [Rus', Russia: Medieval and New Periods]. Issue 3. *Tret'yi chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [3rd Readings in Memory of Academician L.V. Milov. Materials for the International Scientific Conference] / Editorial Board: V.L. Yanin (Chair), D. Yu. Arapov, N.S. Borisov *et al.* Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2013. P. 321–326.

Kanishchev V.V., Baranova E.V. *Prostranstvennoye predstavleniye dvizheniya yuzhnorusskogo frontira v seredine XVII — seredine XIX vv.* [Spatial Representation of the Movement of the South Russian Frontier from the Mid-17th through the Mid-19th Century] // *Rus', Rossiya: Srednevekov'ye i Novoye vremya* [Rus', Russia: Medieval and New Periods]. Issue 4. *Chetvertyye chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [4th Readings in Memory of Academician L.V. Milov. Materials for the International Scientific Conference] / Editorial Board: V.L. Yanin (Chair), D. Yu. Arapov, N.S. Borisov *et al.* Moscow: MGU imeni M.V. Lomonosova, 2015. P. 178–186.

Kappeler A. *Kazachestvo. Istoriya i legendy* [The Cossacks. History and Legends]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2014. 104 p.

Kappeler A. *Yuzhnyy i vostochnyy frontir Rossii v XVI–XVIII vekakh* [Southern and Eastern Frontier of Russia from the 16th through the 18th Century] // *Ab imperio*. 2003. N 1. P. 47–64.

Koval'chenko I.D. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of Historical Research]. 2nd ed., revised. Moscow: Nauka, 2003. 485 p.

Kruglova T.A. *Gramoty Voyennoy kollegii Voysku Donskomu (1735–1739 gg.): nekotoryye istochnikovedcheskiye kharakteristiki* [Letters to the Military Collegium of the Don Cossack Host (1735–1739): Some Source Study Characteristics] // *Rus', Rossiya: Srednevekov'ye i Novoye vremya* [Rus', Russia: Medieval and New Periods]. Issue 4. *Chetvertyye chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [4th Readings in Memory of Academician L.V. Milov. Materials for the International Scientific Conference] / Editorial Board: V.L. Yanin

(Chair), D. Yu. Arapov, N.S. Borisov *et al.* Moscow: MGU imeni M.V. Lomonosova, 2015. P. 407–411.

Lazarev Ya.A. “*Laskovyy telok dvukh matok soset*”: *k voprosu o prirode ukrainskoy gosudarstvennosti vo vtoroy polovine XVII — pervoy treti XVIII v. (v poryadke diskussii s T.V. Chukhlibom)* [“A Friendly Calf Sucks Two Mothers”: On the Nature of Ukrainian Statehood in the Second Half of the 17th and the First Third of the 18th Centuries (A Debate with T.V. Chukhlib)] // *Istoricheskiy vestnik*. 2013. N 4 (151). P. 208–219.

Lukashevich A.A. *Vidy dokumentov v Rossiyskom gosudarstve pervoy chetverti XVIII v. (na materiale General'nogo reglamenta)* [Types of Documents in the Russian State in the First Quarter of the 18th Century (According to the General Regulations)] // *Sovetskiye arkhivy*. 1991. N 4. P. 38–46.

Markedonov S.M. *Gosudarevy slugi ili buntari-razrushiteli? (K voprosu o politicheskikh otnosheniyakh donskogo kazachestva i Rossiyskogo gosudarstva)* [Servants of the Sovereign or Rebels-Destroyers? (On Political Relations of Don Cossacks and Russian State)] // *Yuzhnorossiyskoye obozreniye* [South-Russian Review]. Issue 9. *Konservatizm i traditsionalizm na yuge Rossii: sbornik nauchnykh statey* [Conservatism and Traditionalism in the South of Russia: Collection of Scientific Articles] / Ed. by V.V. Chernous. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo SKNTs VSh, 2002. P. 130–160.

Markedonov S.M. “*Pervaya*” *tsarskaya gramota donskim kazakam* [The “First” Tsar's Charter to Don Cossacks] // *Donskoy vremennik* [Don Annals]. Rostov-na-Donu, 2000. — URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m5/2/art.aspx?art_id=118

Mininkov N.A. *Donskoye kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 g.)* [Don Cossacks in the Late Middle Ages (until 1671)]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1998. 510 p.

Mininkov N.A. *Gramota Voysku Donskomu 1615 goda* [The Letter to the Don Cossack Host of 1615] // *Donskoy vremennik* [Don Annals]. 2015. Issue 23. Rostov-na-Donu, 2014. P. 91–94. — URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m5/2/art.aspx?art_id=1369

Mininkov N.A. *Sysknyye nachal'stva na Donu XVIII v. i nachalo formirovaniya donskogo voyskovogo administrativnogo deleniya* [Investigative Bodies at the Don in the 18th Century and the Beginning of the Administrative Division of the Don Cossack Host] // *Rus', Rossiya: Srednevekov'ye i Novoye vremya* [Rus', Russia: Medieval and New Periods]. Issue 5. *Pyatyye chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [5th Readings in Memory of Academician L.V. Milov. Materials for the International Scientific Conference] / Editorial Board: V.L. Yanin (Chair), N.S. Borisov, L.N. Vdovina *et al.* Moscow: Tipografiya “Tranzit-IKS”, 2017. P. 150–155.

Mizis Yu.A., Skobelkin O.V., Papkov A.I. *Teoriya frontira i yug Rossii v XVI — pervoy polovine XVIII v.* [The Theory of Frontier and the South of Russia from the 16th through the First Half of the 18th Century] // *Vestnik Tambovskogo universiteta*. Series “*Gumanitarnyye nauki*”. 2015. Vol. 20. Issue 10. P. 7–15.

Nikitin N.I. *Vzaimootnosheniya s vol'nym kazachestvom i vkhozheniya kazach'ikh oblastey v sostav Rossii* [Mutual Relations with Free Cossacks and the Incorporation of Cossack Regions into Russia] // *Rossiyskaya imperiya ot istokov do nachala XIX v. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii* [Russian Empire from the Origins to the Beginning of the 19th Century. Essays on Socio-Economic and Political History] / Editorial Board: A.I. Aksenov, Ya.E. Vodarskiy, N.I. Nikitin, N.M. Rogozhin. Moscow: Russkaya panorama, 2011. P. 68–91.

Nikitina O.V. Slovo “gramota” i yego istoriya v russkom yazyke [The Word “Gramota” and Its History in the Russian Language] // *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I. Ya. Yakovleva*. 2013. N 1 (77). Part 1. P. 147–155.

Pronshteyn A.P. *Zemlya Donskaya v XVIII v.* [The Don Land in the 18th Century]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1961. 375 p.

Savel'yev E.P. *Drevnyaya istoriya kazachestva* [Ancient History of the Cossacks]. Moscow: Veche, 2012. 448 p.

Serov D.O. Pod'yachiy I. Yu. *Yur'yev, zabytyy istorik XVIII stoletiya* [Yur'yev, the Forgotten Historian of the 18th Century] // *Studia Humanistika* 1996. *Issledovaniya po istorii i filologii* [Studies in History and Philology] / Editorial Board: Yu.N. Bespyatykh (Chair) et al. Saint Petersburg: Russko-baltiyskiy informatsionnyy tsentr “BLITS”, 1996. P. 122–136.

Shkvarov A. *Kazachestvo epokhi Petra Velikogo. Konets “vol'nostyam” kazach'im* [The Cossacks of Peter the Great Era. The End of “Liberties” of the Cossacks]. Helsinki: Rme Group OY; Saint Petersburg: Aleteia, 2012. XVI, 415 p.

Tikidzh'yan R.G., Skorik A.P., Kochegarov A.V., Trut V.P. *Donskoye kazachestvo i Rossiyskoye gosudarstvo: istoricheskiy opyt vzaimootnosheniy* [The Don Cossacks and the Russian State: Historical Experience of Relations] // *Kazachiy Don. Ocherki istorii* [Cossack Don. Essays on History]. In 2 parts. Part I / Ed. by A.P. Skorik. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo oblastnogo instituta usovershenstvovaniya uchiteley, 1995. P. 67–130.

Trepavlov V.V. “Belyy tsar”. *Obraz monarkha i predstavleniye o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv.* [“The White Tsar”. The Image of the Monarch and the Idea of Subordination among the Peoples of Russia from the 15th through the 18th Century]. 2nd ed., revised and extended. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2017. 320 p.

Usenko O.G. *K utochneniyu biografii K.A. Bulavina* [On the Clarification of K.A. Bulavin's Biography] // *Rossiya v XVIII stoletii* [Russia in the 18th Century]. Issue 1 / Ed. by E.E. Rychalovskiy. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. P. 97–108.

Yemel'yanov E.P. *Tvorcheskiy put' N.V. Ustyugova v kontekste razvitiya sovetskoy istoricheskoy nauki* [N.V. Ustyugov's Creative Career in the Context of the Development of the Soviet Historical Science]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. 312 p.

Поступила в редакцию
28 сентября 2022 г.